

Глава 3. Смутные тени. Часть 1

На следующее утро Чэнь Гэ обнаружил, что смерть за ним так и не явилась.

Его пробудил хор надрывных стонов. Посреди толпы стоял солдат в черном доспехе, сжимая в руках тяжелую плетть толщиной в три-четыре пальца. Описав над головой широкий круг, воин заставил кожаный хвост рассечь застоявшийся воздух с резким, как треск рвущегося шелка, хлопком. Гулкий удар о землю — и один взмах зацепил сразу десяток человек. Плоть мгновенно разлеталась в клочья, и над пустошью поплыл новый виток истошных криков.

Услышав этот хлесткий звук, Чэнь Гэ невольно вспомнил старые драмы, где евнухи точно так же щелкали бичами, провозглашая выход императора. Ситуация показалась настолько нелепой и неуместной, что он неожиданно для самого себя прыснул.

Юный Ли Хун проснулся от его смеха. Не открывая глаз, он сладко зевнул и привычным движением ослабил путы, связывавшие их. Лишь спустя мгновение до него дошло, что он делает: непослушный вихор на макушке испуганно дернулся, и юноша в спешке принялся затягивать узлы обратно.

Чэнь Гэ лишь выразительно промолчал.

Ли Хун уставился на него с нескрываемым изумлением.

— Твои раны... они затянулись?

Чэнь Гэ и сам не заметил. Он осторожно коснулся бока: за ночь раны на животе и пояснице бесследно исчезли. Кожа была гладкой, как у новорожденного. Только в груди при каждом вдохе ныло, и сломанные ребра отдавались тупой болью.

Он шмыгнул носом. Хотелось разрыдаться, но плакать было некому — старшего брата рядом не было, а перед чужаком сопли распускать не к чему.

— Неужели так трудно просто сдохнуть? — прошептал он, скорее обращаясь к небесам.

Прижав ладонь к груди, он почувствовал внутри что-то твердое, какой-то инородный предмет.

— Где мы? — спросил он, пытаясь отвлечься.

— На границе между Цинь и Чжао, — ответил Ли Хун. — В пустошах Цзинсина.

Чэнь Гэ нахмурился:

— Цинь и Чжао... это какая провинция? Хэбэй?

— Про... что? — юноша явно не понимал, о чем речь.

— Какое сегодня число?

—...?

Чэнь Гэ окончательно пал духом и решил сменить тему:

— Прическа у тебя классная.

— Что ты несешь?!

Один задавал вопросы, другой не понимал ответов. Взаимное замешательство достигло предела.

Циньские солдаты погнали пленных дальше. Чэнь Гэ с трудом перевернулся, оказавшись спиной к Ли Хуну. Двигались они нелепо: привязанные друг к другу, передвигая ноги в унисон, точно два участника карикатурного забега.

Ли Хун был на полголовы выше и куда длинноногее. Чэнь Гэ хотел попросить его сбавить темп, но не знал, как к нему обратиться. Наконец, он максимально вежливо выдавил:

— Позвольте узнать ваше почтенное имя?

Ли Хун, вспомнив его взгляд — преданный и жалкий, как у побитого пса, — невольно расслабился. Сопrotивляться этому существу было невозможно.

— Из рода Ли из Божэня. Имя мне — Хун.

Чэнь Гэ затормозил, пытаясь обернуться:

— Приятно познакомиться, Ли Хун.

От неожиданной остановки Ли Хун запнулся. Оба кубарем покатались по земле и замерли: их губы соприкоснулись. Секунда — и оба вспыхнули. Лицо Ли Хуна стало багровым, как сырая печенка.

А вот Чэнь Гэ покраснел от боли: падение пришлось прямо на грудь. В следующее мгновение

его вырвало кровью прямо в лицо Ли Хуну.

— Кха-кха... Черт, прости! — засуетился он, размазывая кровь по чужой щеке.

Ли Хун лишь молча утерся и помог спутнику подняться.

— Пустое... Ты как?

За все свои семнадцать лет он не видел никого, кто харкал бы кровью от одного поцелуя. «Если этот парень когда-нибудь женится, — мелькнула дикая мысль, — в первую брачную ночь стены будут забрызганы алым по самый потолок».

Чэнь Гэ шел впереди, то и дело заходясь в кашле и выплевывая сгустки. Он чувствовал себя китом, пускающим кровавые фонтаны. Хотел что-то сказать, но из горла вырывался лишь сип — похоже, сломанное ребро все-таки проткнуло легкое.

Шли сутки. Без еды и воды, под бичами конвоиров, раненые пленные едва волочили ноги. Только к полудню отряд нашел открытое плато, где было решено сделать привал. Ли Хун, почти таща Чэнь Гэ на себе, пристроил его под раскидистым кривым деревом.

Солнце заливало землю слепящим белым светом, превращая мир в пересвеченную фотографию. Ли Хун ослабил веревку и стащил пропотевшую обувь, чтобы просушить портянки. Чэнь Гэ смотрел на него во все глаза, но юноша даже не обернулся.

Вдруг из-за листвы послышался приглушенный мужской голос:

— Ведут на запад. Похоже, на обмен не надеются, оставляют в живых. Неясно, что задумали циньские псы.

Чэнь Гэ дернулся на голос. Рядом стоял воин в такой же одежде, как и Ли Хун. Чэнь Гэ открыл рот, чтобы поздороваться, но вместо слов выдал очередную порцию крови, прямо на доспех новоприбывшего.

Ли Хун невесело хохотнул:

— Янь Чуань, держись подальше, он протекает.

Чэнь Гэ только мычал и булькал, не в силах вставить и слова.

— В хвосте — десяток телег, накрытых рогожей, — продолжал Янь Чуань, хмурясь. — Все забиты трупами. Зачем им живые и мертвые одновременно?

Ли Хун пожал плечами:

— Ну не есть же они их собрались. Я заглядывал под рогожу — там такая вонь, что за версту с ног сшибает.

Чэнь Гэ отчаянно закивал и замычал, пытаясь донести мысль: «Людей есть нельзя, а вот зомби — вполне!» Впрочем, рассудил он, раз уж вся Вселенная схлопнулась, вряд ли здесь водятся мертвяки.

Янь Чуань достал немного галет. Ли Хун съел половину и протянул остаток Чэнь Гэ, но тот лишь покачал головой. Смысл переводить продукты, если он все равно собрался помирать?

— Приглядывай за ними, — бросил Ли Хун.

— Слушаюсь, — ответил воин и тут же бесшумно растворился в тенях. Эффектно.

Чэнь Гэ посмотрел на оставшийся кусок сухаря. Голод взял свое. Он протянул руку ладонью вверх и пошевелил пальцами, безмолвно спрашивая: «Дашь кусочек?»

Ли Хун отломил ему добрую половину:

— Ешь!

Это был какой-то прессованный брикет из грубого зерна. Чэнь Гэ откусил, попытался проглотить... и тут же поперхнулся собственной кровью. Сгусток вылетел вместе с крошками.

Жизнь была дерьмом. Чэнь Гэ уставился на галету в своей руке и бессильно расплакался от злости.

Ли Хун только диву давался: то смеется, то рыдает. «Видно, баловали его в семье, — решил он, — вот и вырос капризным».

Он коснулся груди Чэнь Гэ:

— Кости под кожей уже срослись, но вот эта шишка... — он замялся, вспомнив недавний «поцелуй», и быстро продолжил: — Там что-то твердое. Оно сместилось от левого бока к самому центру и, кажется, дырявит тебе органы. Как ты можешь этого не чувствовать?

Чэнь Гэ рванул ворот рубахи. Под кожей действительно торчал острый угол. Он стер кровь — на свету блеснул тусклый золотистый металл.

«Нет-нет-нет, это невозможно. Только не это...»

В голову пришла безумная догадка. Он начал лихорадочно ощупывать нарост, надавливая на него. Кожа под пальцами покраснела, Чэнь Гэ стиснул зубы. Ли Хун наблюдал за этим, заливаясь краской. В лагере воины часто дурачились, обнажаясь по пояс, но там это выглядело естественно. А тут... будто бес в него вселился, глаз отвести не может.

Чэнь Гэ вдруг вскочил. Развязав путы, он подбежал к чумазому мальчишке, сидевшему неподалеку. Ребенок, сверкая мелкими клычками-зубками, с опаской принял из его рук галету и тут же вгрызся в нее.

Вернувшись, Чэнь Гэ снова связал их. Стиснув зубы, чтобы не захлебнуться кровью, он выдавил:

— Нож. Есть?

— Был меч, — нахмурился Ли Хун. — Дорогой, из хорошего железа. Циньцы отобрали, когда напали на нас.

— Другое?

Ли Хун залез за голенище сапога:

— Ножа нет, но есть...

— Не надо! — Чэнь Гэ в ужасе замахал руками.

Он посмотрел на свою правую руку — тонкие пальцы, аккуратные ногти.

— Брат... делал... — прохрипел он.

Грудь ходила ходуном. Внезапно, не дав Ли Хуну опомниться, Чэнь Гэ с силой вогнал собственные пальцы прямо в открытую рану на груди!

Ли Хун едва не лишился чувств.

— Ты что творишь?! Самоубийца!

Он бросился наперерез, но опоздал. Раздался тошнотворный, влажный всхлип плоти. Чэнь Гэ, обливаясь слезами от нечеловеческой боли, вырвал из собственного тела небольшую коробочку размером с ладонь. Она была сделана из чего-то, напоминающего матовое золото.

Кровь хлестала из дыры размером с кулак, но рана начала затягиваться прямо на глазах.

— Хорошо... что я... человек... — прохрипел Чэнь Гэ, валясь на траву. — Иначе... спустил бы воздух... как мячик.

Ли Хун сидел, не в силах пошевелиться.

— Ты... оборотень? Демон?

— Человек я, — выдохнул Чэнь Гэ.

Но разве у людей раны заживают за секунды? Ли Хун промолчал. Он лишь покосился на мальчишку, который уже доел сухарь и теперь сосредоточенно точил зубы о камень. «Даже если он демон, то демон добрый», — решил про себя юноша.

Чэнь Гэ с тоской смотрел на золотистый куб в своих руках. Вид у него был такой, будто он собрался на собственные похороны. Развязав веревку, он подобрал камень, швырнул его вдаль, дошел до места падения, подобрал и швырнул снова. Так повторилось шесть раз.

— Это называется «шесть бросков», — пояснил он вернувшись. — Единица измерения.

— Это золото? — Ли Хун кивнул на коробку.

— Это контейнер. Сделано в ЮАР, — Чэнь Гэ говорил путано, не заботясь о том, понимает ли его собеседник. — Сверхпрочный сплав. Человеку его не вскрыть и не сломать. Код доступа... его моя мать придумала.

Ли Хун послушно кивал, слушая эту абракадабру.

— Сканирует ДНК, работает на солнечных батареях... Мы все такие делали. Можно запрограммировать на одного, можно на всю семью. Экономия на тестах на отцовство, понимаешь? — он горько усмехнулся, пытаясь унять дрожь в руках.

Чэнь Гэ глубоко вдохнул и прижал палец к поверхности.

— Был рад познакомиться, Ли Цин.

— Чего?..

Раздался негромкий щелчок. На землю выпала синяя губная гармошка с изображением Дораэмона.

— Клянусь! — Чэнь Гэ в изнеможении рухнул лицом в пыль. — Больше никогда... ничего... не положу в коробку! Кто знает, во что оно превратится при извлечении!

Солнце стояло в зените. Циньские солдаты защелкали бичами, подымая пленных. Чэнь Гэ подобрал гармошку и повесил ее на шею.

— В мой день рождения, — затараторил он, снова привязывая себя к Ли Хуну, — мы с братом сильно поссорились. Он запер меня дома, а сам... Он приказал офицеру, и тот — вот так! — Чэнь Гэ описал рукой круг в воздухе. — Раз — и в руке появилась эта гармошка. Как магия! Ты ведь знаешь, что такое музыкальный инструмент?

Видя, как загорелись глаза странного паренька, Ли Хун невольно улыбнулся.

— У меня тоже есть младший брат. Такой же избалованный, с характером — не угадаешь, когда в слезы ударится, а когда в смех. Но сердце у него золотое, все его любят.

— Ты старший?

— Есть еще самый старший брат.

— Понятно. Старшие всегда пробиваются в люди, а младших все балуют. Моя мать хотела второго ребенка, но я был категорически против.

Чэнь Гэ подпрыгнул на месте и случайно боднул Ли Хуна в нос.

— Ой! Прости!

Ли Хун вздохнул, потирая переносицу:

— Точно как мой мелкий...

— Ты что, из дома сбежал? — любопытствовал Чэнь Гэ.

Юноша помрачнел:

— Да отец решил меня женить. На женщине, которую я в глаза не видел.

— Ого, — посочувствовал Чэнь Гэ. — Твой папа... то есть отец, времени даром не теряет. Прямо как в средневековье — невеста по расчету.

Чэнь Гэ болтал без умолку, пока не пересохло в горле. Наконец он решился спросить о главном:

— Куда нас все-таки ведут?

Ли Хун посмотрел на него как на полного идиота.

Дорога пошла круто вверх, под ногами крошился известняк. Горный орел пронесся над головами, взметнув вихор Ли Хуна и подняв пыль. Когда они перевалили через хребет, внизу открылось жуткое зрелище.

Огромный карьер, похожий на разверстую пасть чудовища, чернел среди гор. Заходящее солнце тонуло в дымке, ветер кружил сухую листву, превращая ее в золотистую труху. Внизу, в самом котловане, копошились тысячи людей. С высоты они казались муравьями.

Горы Тайханшань тянулись на сотни ли. Миллионы лет земная твердь рождала здесь причудливые минералы. Конвоиры погнали пленных вниз, в это каменное чрево.

К ночи лунный свет заставил обнаженную породу сиять мертвенным серебром. Тысячи невольников вповалку лежали в утлых шатрах, больше напоминая груды мертвецов, чем живых людей. В горах тоскливо кричала ночная птица. Костры стражи сверху казались рассыпанным просом.

Циньцы сняли с пленных цепи: из этой бездны бежать было некуда.

— Белокожие дикари Ди первыми нашли это место и основали царство Сяньюй, — Ли Хун и Чэнь Гэ сидели под скалой. Блики от руды плясали на лице юноши. — Потом их разбили люди из Цзинь, и земля стала зваться Чжуншань.

Чэнь Гэ кивнул. Его лицо в лунном свете казалось призрачно-белым, а вьющиеся волосы довершали образ водяного.

— Раздел Цзинь между Чжао, Хань и Вэй... воцарение рода Тянь в Ци... Мир свернул на другую дорогу.

— «Государство не обязано следовать старине, коль хочет возвыситься», — процитировал Ли Хун и украдкой взглянул на спутника. Тот перехватил взгляд, и юноша тут же отвернулся. — При Улин-ване мы переняли одежду кочевников и их искусство стрельбы из лука. Захватили земли на севере и западе, стерли Чжуншань с лица земли. Раньше это было наше царство. Чжао.

Чэнь Гэ нахмурился:

— Погоди, ты же сам сказал — Сяньюй?

— Сяньюй вырезали восемьсот лет назад! — Ли Хун посмотрел на него с нескрываемым презрением. — Ты вечно где-то в облаках витаешь.

— Ну... значит, это земли Цзинь?

Ли Хун едва не взвился:

— Я же сказал: Цзинь больше нет!

— А... — Чэнь Гэ осторожно уточнил: — Значит, все-таки Чжао?

— И Чжао больше нет! — рявкнул Ли Хун в ярости.

— Ты сам так сказал!

Ли Хун задохнулся от возмущения и отвернулся, твердо решив больше не произносить ни слова.

Чэнь Гэ тихо рассмеялся. Ли Хун был забавным. Его волосы, жесткие, как и его характер, были стянуты в узел и закреплены роговой шпилькой, но непокорная прядь на лбу все равно торчала вверх. Несмотря на вечную подозрительность и колючий взгляд, Чэнь Гэ чувствовал — в этом парне нет гнили. С ним было просто, как с одноклассником, хотя их разделяла пропасть в тысячи лет.

Чэнь Гэ легонько толкнул его локтем:

— Ну не дуйся. Хочешь, поцелую, гунцзы Хун?

Он потянулся к юноше, и тот в ужасе отпрянул:

— Да что ты за человек такой?!

Чэнь Гэ посмотрел на небо, где облака плыли причудливыми цветами.

— Ладно, давай серьезно. Кто сейчас правит в Цинь?

— Ин Чжэн из рода Чжао, — глухо ответил Ли Хун. — Родился у нас, в Ханьдани, тринадцать лет пробыл заложником. Как умер его отец, так он и на троне. Уже тринадцать лет как.

Чэнь Гэ закусил губу, пытаясь выудить из памяти школьную программу.

«Боже, почему я на уроках только и делал, что спал и ел?» — пронеслось в голове. Если он когда-нибудь встретит того, кто спросит «зачем учить историю», он ответит: «Чтобы не выглядеть идиотом при попадании в прошлое».

Он начал загибать пальцы, бормоча под нос.

Восстание Чэнь Шэна и У Гуана — это 210-й до нашей эры. В тот год Шихуанди сдох в своей колеснице и протух. Ему было сорок девять.

Если Ин Чжэну сейчас двадцать шесть, значит... сейчас 233-й год до Рождества Христова.

233-й год. А дальше что?

Его охватила безнадежность. В будущем о нем никто не вспомнит. Никто не придет на помощь. Да и будущего того, скорее всего, больше не существует. Вселенная превратилась в пыль.

Ли Хун наблюдал за странным парнем: тот то смеялся, то сидел с таким видом, будто собрался вешаться.

— О чем ты опять думаешь? Ты из Чу?

— Из Чу? — Чэнь Гэ оживился. — Да, я из Таоюаня. Наверное, это были земли Чу.

— Говорят, после смерти Каоле-вана на трон сел Сюн Хань. Пять лет прошло, а в стране одна смута, — Ли Хун почувствовал, как слипаются глаза, и уронил голову на плечо Чэнь Гэ. — Но Чу — край огромный, вы далеко. Граничите только с Цинь, Хань и Ци.

Ли Хун явно пытался его приободрить, хотя сам выглядел не лучше.

— Хань бояться нечего, Ци воевать не хочет. У Цинь нет причин нападать на вас. О чем тебе печалиться?

Чэнь Гэ знал — печалиться было о чем. Разве он не слышал: «Пусть в Чу останется всего три семьи, но именно Чу погубит Цинь»? В этой войне невинных нет. Живешь себе, пьешь вино, поешь песни — и тут бац, тебя стирают с карты.

Судьба — та еще сука.

Днем 10 февраля 2054 года все казалось обычным. Цзянь Юньлан жарил что-то на кухне в

своим дурацким фартуке в цветочек, размахивая лопаткой. Чэнь Гэ вернулся с берега со своей скрипкой.

Кто-то настучал брату, что видел Чэнь Гэ с каким-то подозрительным типом, и Юньлан взорвался. Они орал друг на друга, Чэнь Гэ ревел в три ручья, а потом брата вызвали по тревоге. Он просто запер Чэнь Гэ дома — «остыть».

Утром 13 февраля 2054 года Цзянь Юньлан на катере, нагруженном «черным камнем», вошел в червоточину.

Последним, что он сказал, было: «Я люблю тебя».

<http://bllate.org/book/17509/1648570>